

1. —

С тех пор, как поэт приравнял перо к штыку, мы ищем в военном лексиконе наистрейшие прищельные слова, чтобы выразить воинственность нашей идеологии перед лицом вооруженной до зубов идеологии буржуазной.

Книгу об американском и западноевропейском искусстве и литературе Юрий Жуков назвал «Из боя в бой». В этом названии для нас звучит судьба полка, перебрасываемого с одного участка фронта на другой и подолгу не выходящего из боев, судьба самого автора, которого события, впечатления, встречи лишают передышки, вынуждая вновь обнажать перо — отточенное перо советского публициста. Потому и обозначены в подзаголовке место действия и жанр книги так: «Письма с фронта идеологической борьбы».

Замечательно, что и художник книги М. Г. Жуков дает это почувствовать читателю сразу багряной суперобложкой, где буквы, сомкнувшись плечами, стоят, как перед наступлением, и сдвоенным шмуцтитлом того же пламенного цвета, где мы находим названия и оглавления четырех разделов книги: «Литературный фронт», «Театральный фронт», «Фронт кинематографии», «Фронт изобразительного искусства».

На карту искусств фронтовые обозначения автор наносил не единожды, он следовал всем предви-

жениям борющихся сил, собирал донесения прессы, сопоставлял свои новые впечатления с прежними. Оттого-то линия фронта и не замерла, она дышится, открывая изменчивую панораму художественной жизни буржуазного мира, динамику идеологической борьбы.

В этом — одно из ценнейших свойств книги. Она охватывает почти весь послевоенный период: письмо первое помечено маем 1946 года. Притом автор оказывался в тех же местах через год или через двадцать лет. Ему открывалась, таким образом, возможность близко рассмотреть, во что же превратились реакционные направления и направления, школы и школки, шумно возвестившие о себе при рождении. Он мог точно воссоздать картину возмужания прогрессивных сил в западном искусстве.

2. —

«Свыше двадцати лет наблюдаю я за артистической жизнью Парижа...». Вот одна из строк книги, объясняющих, как она родилась и чем может послужить нам. Автор вовлекает нас в размышления над растущей веренией фактов. Но своими выводами делится с нами не навязчиво — сначала он помогает увидеть и почувствовать то, что видел и чувствовал сам.

Сколько раз на протяжении

этой большой книги (в ней 535 страниц) мы войдем в зал кинотеатра и в театральный зал, в картинную галерею, киностудию, ателье живописца, литературный клуб!.. Автор, представив нам соседнее театральное кресло или стоя за нашей спиной в мастерской художника, не будет шептать нам на ухо, заранее внушая свою оценку. В свойственной ему строго документальной, почти протокольной манере Юрий Жуков знакомит со спектаклями, романами, кинолентами, живописными работами. Перед нами западное искусство, какое оно есть.

Марксистская критика не терпит ни натяжек, ни предвзятости, она исследует явление в его развитии, обнажает его суть, и партийная страстность публициста накрепко соединяется с широтой и точностью анализа.

Автор сосредоточивает внимание на содержании произведений, выявляет общественную позицию драматурга, живописца, романиста, режиссера и определяет социальную роль их творений.

Такой подход диктуется целью книги — обозначить главную линию развития, линию борьбы, линию фронта. Но книга полна и метких наблюдений над внутренними противоречиями творчества, над порожденными этими противоречиями особенностями художественной формы.

3. —

Книга населена людьми — не только теми «заочными» ее участниками, кто создавал рассматриваемые здесь произведения, но прежде всего теми, с кем Юрий Жуков по-выдался сам.

Вот он в Вудстоке, городке американских художников. Как непосредственно и живо обрисованы облик молодого Германа Черри и его подруги Денни Уинтерс, их домик с железной печкой и почти без мебели, их взгляды, споры, их творческие поиски и заблуждения!

Вот встреча и беседа с Джеймсом Гоу, одним из авторов пьесы «Глубокие корни». Еще одна интереснейшая беседа — со Стэнли Крамером; тут «рамку» составляют живые черточки собеседника и рабочей обстановки на кинофабрике.

С Андре Фужероном Юрий Жуков впервые встретился на похоронах парижского рабочего Улье, обвиняемого при расклевке антивоенных плакатов Фужерона, то есть именно в тот день, когда перед потрясенным художником по-новому раскрылся смысл жизни и смысл искусства. («Ты знаешь, — сказал Фужерон шагавшему рядом с ним в колонне писателю, — я никогда не волновался так, как сегодня... Ты был прав — бываю случаи, когда и карандаш художника становится боевым оружием...»). Встречи и бе-

седы с Фужероном, вся деятельность этого художника, живущего по фронтовым законам искусства, заполняют одну из увлекательных глав книги.

Именно на таких страницах проявляются авторские эмоции — сквозь строгое повествование о том, как впервые открыл нового зрителя Жан Вилар в рабочих предместьях, или о том, как мужественно защищает реализм и социальный пафос искусства Нанни Лой...

«—и до чего же, честное слово, радостно становится на душе: богата все-таки наша планета честными людьми, верными своему долгу перед обществом и преданно, до самозабвения любящими настоящее искусство».

Пусть бурлит на поверхности пена самых что ни на есть моднейших течений в литературе и искусстве, лопающихся словно пузырьки!.. Пусть кувыркаются, словно рыжие у ковра, ревнители «антилитературы», «антитеатра», «антиискусства» и «антикинематографа»! Чем сильнее они кричат своими охрипшими от натуги голосами, тем лучше понимают люди их полнейшую внутреннюю пустоту.

Борьба продолжается. Это борьба между подлинным искусством, стоящим на службе человека, и псевдоискусством, враждебным че-

ловеку, между передовой идеологией нового мира и отсталой, но все еще сильной и опасной идеологией старого мира».

4. —

Защита реализма. Защита связей искусства с великим освободительным движением рабочего класса капиталистических стран. Страстное изобличение буржуазного государства, его коварно-разрушительной художественной политики. Строго объективное исследование всех гнилых болот, где увязают поденщики моды, и всех тупиков, куда заводит даже одаренного художника буржуазная «свобода творчества». Таковы суть и сила этой книги.

Она ясна, точна, в ней нет той нарочитой усложненности, которой бывают подчас отягощены искусствоведческие сочинения. Книга доступна и нужна комсоставу идеологического фронта и рядовым бойцам.

Книгу Юрия Жукова следует особо рекомендовать тем нашим читателям, которые хотят осмыслить новые факты, приносимые газетными страницами, в свете опыта минувших лет. Родословная эстетического мракобесия, процесс линнания «левых» направлений, трудные судьбы передовых художников, история ввода в действие буржуазными стратегиями различных видов идеологического оружия многому учат. Учат и закаляют. А такая закалка очень нужна в пору бешеного натиска антикоммунистических идей.

И. РОТИН.